

АЛЕКСЕЙ МАСЛОВ

КОНФУЦИЙ:

БЕСЕДЫ

С ОДИНОКИМ

МУДРЕЦОМ

КОНФУЦИЙ

АЛЕКСЕЙ МАСЛОВ

КОНФУЦИЙ:

БЕСЕДЫ

С ОДИНОКИМ

МУДРЕЦОМ

Издательство
Рипол Классик
Москва
2020

«О, наставник искусен, он умеет завлечь людей!»

*Янь Юань, ученик Конфуция,
о своем учителе.
«Лунь юй» (IX, 11)*

1

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО: ЗАГАДКА КОНФУЦИЯ

... В храмовом парке — тихо, спокойно и уютно. Чашка чая, неторопливая беседа, прерываемая долгими паузами, во время которых ты ведешь с самим собой молчаливый разговор — именно этого требует от тебя царящая здесь атмосфера. Здесь щебетанье птиц приятнее человеческого голоса, сюда приходят не помолиться — поразмышлять. Здесь царит культура книжников и канонистов, неторопливых раздумий в окружении стел с изречениями того, кто уже в течение полутора тысяч лет именуется просто «Учителем». Это — один из многочисленных храмов Конфуция, и он может находиться где угодно — посреди шумного Пекина, в священных горах Суншань, на горе Тайшань, куда поднимался Учитель. Но он всегда одинаков по своей атмосфере и всегда взывает к одному — к попытке осмыслить вечность мудрости внутри себя.

Такую атмосферу создал не сам Конфуций, а поколения людей, что построили вокруг имени этого человека целую цивилизацию, которая ныне чем дальше, тем больше охватывает весь мир, далеко выходя за пределы Китая, да и Азии в целом.

Были периоды, например, во время «культурной революции» в 1973-1974 гг., когда китайская пропаганда критиковала его как «старика, который не понимал революционной теории и не занимался производственным трудом». По всей стране была развернута компа-

ния «критики Линь Бяо (бывшего министра обороны, погибшего при загадочных обстоятельствах в 1971 г. — А.М.) и Конфуция». Конфуций представлялся ретроградом, а этот его образ в многочисленных публикациях ловко увязывали с жившими тогда политиками, с которыми боролась группа Мао Цзэдуна. Уже потом китайская пропаганда столь же бережно водрузила Конфуция обратно на пьедестал символа китайской нации.

Сегодня фигура Конфуция (551-479 до н. э.) по-прежнему возвышается над современным и рвущимся вперед Китаем. Его слова цитируются политическими деятелями, их ставят в газетные заголовки, а сам великий Учитель выступает как воплощенная мудрость всей нации, которая и позволила, сохраняя традицию, достичь столь больших успехов в модернизации страны. Неслучайно одна из целей развития Китая, объявленная еще Дэн Сяпином в 1979 г. — «построение среднезажиточного общества» к 2021 г. — обозначается именно конфуцианским термином сяокан. Когда-то Конфуций и его ученики мечтали об обществе «средней зажиточности» (*сяокан*) и «великого единения», или «великой тождественности» (*датун*).

Образ Конфуция, который дошел до нас, всегда молчаливо-величественен, он говорит с нами через тысячелетия только мудрыми цитатами. Его называют «Символом китайской нации» и «Учителем учителей», и наверняка его имя в первую очередь придет на память любому при упоминании культуры Китая. Ему возведены памятники по всей Восточной Азии, и именно там сложилась уникальная культурная общность — конфуцианский культурный регион, формировавшийся под влиянием идей Великого Учителя. Он превратился в «визитную карточку» Китая — обложки многих книг о Китае украшены изображениями великого наставника, он растиражирован на календарях, плакатах и рекламах, сотни «Институтов Конфуция» открываются китайским правительством по всему миру. Культ Конфуция был объявлен императорским, правители совершали моления в храмах Конфуция, на его родине в местечке Цюйфу в провинции Шаньдун возведен огромный храмовый

комплекс, ныне превращенный в роскошный музей, куда съезжаются туристы из всех стран мира.

Его культура — культура книжников, интеллектуалов, чиновников; тенистых академий для ученых, где обучали тех, кто затем управлял великой империей. И одновременно — это состояние сознания всякого китайского крестьянина, суетливого бизнесмена, расчетливого политика, крикливого торговца на рынке. Всех их объединяет Символ — символ Конфуция, символ наставничества и духовной мудрости, носитель идеи государственного служения и заботы о народе.

У его учения нет постоянной формы. Это даже не доктрина, не философия со своими жесткими постулатами, а особого рода размышления, переходящие в тонкое восхищение ритуальной сущностью жизни. Это вся бездна этико-политических, социальных и символических смыслов, присущих китайской цивилизации. Это и чувство принадлежности к некоему сообществу людей, связанных единым ритуалом, единым переживанием, едиными правилами общения.

Величие Конфуция, его символичность внутри самой культуры абсолютно заслонили его реальный образ человека упорного и несговорчивого, переживающего и страдающего, неудачливого при жизни и духовно-язвленного, терпеливого с одними учениками и невыносимого с другими. Но он очень живой — и в этом обаяние его образа.

История, возвеличивая человека до символа, убивает в нем реальную жизнь. И современный Конфуций — продукт тысячелетнего подправления образа скромного наставника — «мудреца Куна», или Кун-цзы, по имени Цю (дословно «Холм») и по прозвищу или второму имени Чжун-ни.

Он стал одним из двух китайских философов, которые «удостоились» латинизации своих имен: написанное латиницей, его имя выглядит как «Confucius», откуда и пошло русское «Конфуций» (другим философом был Mencius, или Мэн-цзы).

Сегодня мы знаем Конфуция таким, каким его захотели представить комментаторы и исследователи, таким, каким его хотела видеть официальная китайская историография начиная с V-VI вв. Именно их усили-

ми перед нами предстает величественный облик Учителя Учителей, непоколебимого в своей мудрости и нравственности.

На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного — сколько известно случаев, когда реальные исторические персонажи были буквально погребены под напластованиями мифов, легенд и преданий. Каждый, кто внес вклад в духовное развитие человечества, сегодня предстает перед нами как совокупность образов и преданий.

Но в личности Конфуция есть своя тайна — тайна, которую тщательно оберегает вся китайская традиция. Это — загадка самой личности Конфуция, загадка его Учения, его посвящения и его школы. Это — загадка его становления и воспитания, тайна сокрытого смысла его проповеди. И этот истинный Конфуций не был лишь одним из философов или служивых мужей из обедневших аристократических семей эпохи Чжоу. Он вообще не был «философом» в том западном смысле этого слова, которое в него обычно вкладывается. Не был он и проповедником неких морально-этических норм и государственных доктрин, хотя при желании такие мысли можно отыскать в его высказываниях. При жизни он особенно ничем не прославился и был чаще гоним, чем привечаем. Он не сумел воплотить в действительность практически ни одной своей идеи по поводу «человеколюбивого управления» царствами, а его статус духовного наставника и проповедника вызывал у многих скепсис или даже резкое отторжение.

Чтобы «разгадать» Конфуция, чтобы понять коды его слова, надо прежде всего понять, чему он сам обучался и что хотел передать. И для этого на время придется забыть о многих традиционных версиях восприятия Конфуция: Конфуций — философ, Конфуций — символ китайской нации, Конфуций — обожествленный мудрец.

Каким был этот человек без последующих наносов канонизации, обожествления и превращения в абсолютный символ восточной мудрости? Был он философом, как его представляют традиционные версии, или носителем какого-то очень древнего знания, которое Конфуций решил использовать для государственного служения?

Так кем же был тот — настоящий — Конфуций?

«Лунь юй»: МУЖ ДОСТОЙНОГО ПОВЕДЕНИЯ ¹

1, 6

Учитель сказал:

— Молодые люди, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота — быть уважительными к старшим, в делах — осторожными, в словах — правдивыми, безгранично любить людей и особенно сближаться с теми, кто обладает человеколюбием. Если у них после осуществления всего этого еще останутся силы, то потратить их надо на изучение культуры.

Здесь под «культурой» (вэнь) подразумевается целый комплекс знаний и навыков, в том числе изучение древних канонов, каллиграфии, а также норм ритуального поведения и т.д. Все это вместе должно привести к самораскрытию человека.

¹ Обычно при составлении книг о Конфуции принято сначала описывать его биографию, а затем давать перевод его основного труда «Лунь юй» («Беседы и суждения»), что правильно с академической точки зрения, но не всегда удобно для читателя, желающего понять саму концентрированную суть его идей. А потому мы здесь, не претендуя на академизм, несколько изменили традиционному правилу: после каждой части текста идет перевод тех отрывков, которые непосредственно относятся к излагаемому материалу. В антологию отрывков из «Лунь юя», составленных по тематическому принципу, вошло подавляющее количество пассажей этого произведения. Сегодня существует немало достойных и качественных полных переводов «Лунь юя» на русский язык, которые при этом могут давать различные трактовки того или иного высказывания или понятия. В своем переводе мы опирались в основном на толкование, предлагаемое Л.С. Переломовым, а также П. Поповым (1842-1913) и В. А.Кривцовым.

II, 18

Цзычжан упорно учился, надеясь получить государственное содержание. Учитель посоветовал ему:

— Больше слушай, будь сдержан, а когда возникает у тебя сомнение, говори об этом осторожно. Тогда и нареканий тебе будет мало. Больше наблюдай, обходи опасное, а в остальном же будь осмотрителен, — и тогда редко будешь раскаиваться в содеянном. Когда слова будут вызывать мало нареканий, а в поступках не придется

часто раскаиваться, тогда и получишь ты государственное содержание.

Цзычжан — ученик Конфуция Чжуаньсунь Ши.

IV. 14

Учитель сказал:

— Не печалься, что не занимаешь достойного поста — печалься, если способности твои не соответствуют этому посту. Не печалься, что люди не знают тебя — поступай так, чтобы они смогли узнать тебя.

IV. 23

Учитель сказал:

— Редко бывает, чтобы ошибался человек сдержанный.

IV.25

Учитель говорил:

— Добродетельный человек не одинок — непременно найдутся единомышленники.

V.16

Конфуций так отозвался о Цзы-чане:

— Он обладал четырьмя качествами (Дао) благородного мужа: свершая дела, он исходит из самоуважения; служа вышестоящим, он исходит из ответственности, наставляя народ, исходит из доброты; управляя народом, исходит из справедливости.

Цзы-чань (Гун Сунь-цяо) — прозвище сановника из царства Чжэн.

VI, 14

Учитель сказал:

— Мэн Чжифань никогда не хвастался своими заслугами. Когда его войско обратилось в бегство, он следовал позади его, а когда войско вступало в город, он стеганул своего коня, сказав: «Я не смел бы быть позади, да вот конь мой не шел вперед».

Мэн Чжифань — аристократ из царства Лу.

IX,16

Учитель сказал:

— Во внешнем мире (т.е. при дворе) следует служить правителям и сановникам, дома надо служить отцам и старшим братьям, нельзя проявлять леность в совершении погребальных ритуалов и не стоит хмелеть от вина. Но что во мне самом есть из всего этого?

IX, 29

Учитель сказал:

— Мудрый не сомневается, человеколюбивый не печалится, храбрый не боится.

XIII, 8

Учитель сказал о царевиче Цзине из царства Вэй:
— Да, он умеет вести дела своей семьи. Когда у него появляется что-нибудь, он говорит: «Достаточно». Когда же он получает сверх этого, то говорит: «Богатею». Когда же получает еще больше, то произносит: «Замечательно!».

XIV, 2

Учитель сказал:
— Если служивый муж (ши) думает лишь о спокойствии и удовольствиях, то он не достоин так называться.

XIV, 12

Цзылу спросил, кого можно назвать совершенным человеком. Учитель ответил:
— Если взять знания Цзан Учжуня, бескорыстие Гунчо, храбрость Чжуан-цзы из города Бянь, мастерство Жань

Цю, да прибавить к этому познания в Правилах и музыке, то может получиться совершенный человек.

А затем добавил:

— Но вряд ли таким должен быть ныне совершенный человек. Если он предпочитает долг выгоде, рискует жизнью, столкнувшись с опасностью, помнит о своем обещании даже в трудные времена, то уже такого человека можно назвать совершенным.

Цзылу (子路), личное имя — Чжун Ю (仲由) (542-480 до н. э.) — один из самых известных и преданных учеников Конфуция; отличался административными навыками. Был убит в царстве Вэй, пытаясь защитить своего господина. По преданию, рассказанному в «Ли Цзи» («Записки о ритуалах»), после смерти тело Цзылу было разрезано на куски и замариновано. Охваченный горем Конфуций не мог есть в течение нескольких дней и приказал выбросить все маринованные продукты из своего дома. Тем не менее, Учитель от удара так и не отошел и сам через год умер. Цзан Учжун прославился своим умом; современники называли его мудрецом. Чжуан-цзы — правитель города Бянь в княжестве Лу.

XIV, 25

Цюй Боюй послал человека побеседовать с Конфуцием.

Конфуций почтительно усадил гостя и спросил:

— Что заботит Вашего хозяина?

Посланец ответил:

— Он желает поменьше совершать ошибок, но пока еще не достиг этого.

Когда посланец удалился,

Учитель произнес:

— Вот так посланец! Вот так посланец!

Цюй Боюй (蘧伯玉) — аристократ из царства Вэй, его гостеприимством пользовался Конфуций во время пребывания в Вэй.